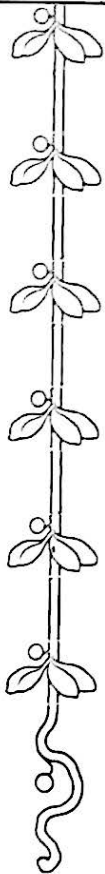

ЧЕХОВСКИЙ ≡

ЮБИЛЕЙНЫЙ СБОРНИКЪ.

1860 $\frac{17}{\text{ЯНВАРЯ}}$ 1910.

Изъ воспоминаній о Чеховѣ.

Отъ близкихъ Антону Павловичу лицъ, отъ друзей его и знакомыхъ, а также и по нѣкоторымъ личнымъ воспоминаніямъ я имѣю не мало воспоминаній изъ жизни Антона Павловича.

Привожу отрывочныя воспоминанія, рисующія Чехова и въ серьезныя минуты его дѣловой жизни и отношенія къ людямъ, и Чехова у себя дома, и у друзей— всегда милого, простого и веселаго,—я разумѣю, главнымъ образомъ, его первый, молодой періодъ жизни.

* * *

— О чемъ бы ни просили, кто бы ни просилъ, ради Бога, ни въ чемъ не отказывай,— такъ говорилъ Антонъ Павловичъ своей сестрѣ.

— Ну, не сочтешь возможнымъ дать всего, о чемъ просить, дай хоть $\frac{1}{10}$, но только ужасно было бы отпустить просящаго ни съ чѣмъ!..

* * *

Больше всего, горячѣе всего откликался Чеховъ на культурные запросы крестьянства.

Кто хочетъ учиться, иди къ нему: онъ и совѣтъ дастъ и подѣлится послѣдней книгой, какая только есть.

Какъ Чеховъ радѣлъ о народномъ образованіи, объ этомъ можно было бы много рассказать со словъ тѣхъ, съ кѣмъ приходилось бесѣдовать на эту тему. Я и лично кое-что слыхалъ на этотъ счетъ отъ самого Антона Павловича.

У многихъ еще въ памяти его дѣятельность въ качествѣ земскаго гласнаго Серпуховскаго уѣзда.

Онъ все горячо принималъ къ сердцу. Много хорошаго сдѣлалъ для крестьянъ.

Стоило поручить его надзору какую-нибудь школу, и онъ ѣдетъ туда, въ село, при первой же нуждѣ въ немъ, — ѣдетъ, невзирая ни на какую погоду, въ любое время года.

На свой счетъ подвозитъ материалъ для школы и при первой же возможности ранней весной начинаетъ строить.

Призываетъ будущаго учителя новой школы.

— Вы сейчасъ холостой, а тамъ, можетъ, и женитесь. Надо, чтобы вамъ удобно жилось. Чтобы вы не стѣснялись будущихъ сосѣдей вашихъ, — товарища-учителя и учительницы.

И строить учительскія квартиры по сторонамъ школы, такъ что обѣ квартиры размѣщены совершенно отдѣльно одна отъ другой, ихъ раздѣляетъ школа.

Самъ заботливо все распланируетъ, опредѣлитъ количество свѣта и воздуха.

Поздравляетъ съ новосельемъ, спрашиваетъ, чего не хватаетъ новому жильцу школы.

— Коровъ нѣтъ? Возьмите у меня.

Учитель смущается.

— Пожалуйста, не беспокойтесь, у меня ихъ вдоволь.

— Кстати: у меня утокъ много. Лишнія. Возьмите себѣ. Какъ же — безъ утокъ нельзя.

И боготворили же его всѣ крестьяне, и народные учителя, и дѣтвора, съ которой онъ былъ нѣжно ласковъ.

Онъ выстроилъ въ Серпуховскомъ уѣздѣ двѣ большихъ школы — въ селахъ: Тателѣ и Новоселкахъ.

Сестра его сказала какъ-то, что дѣтямъ, живущимъ въ Мелиховѣ, очень далеко, а въ дурную погоду и морозъ очень трудно ходить въ школу — она за нѣсколько верстъ отъ нихъ.

Антонъ Павловичъ сейчасъ же назначаетъ 1.000 руб. своихъ трудовыхъ денегъ, — онъ только что продать одну свою книгу.

— Это для начала, а тамъ еще буду ссужать всѣмъ, чѣмъ нужно окажется.

И принялся обставлять школу.

Онъ и теоретически интересовался школьными вопросами. Я помню, онъ мнѣ говорилъ, какъ ему хотѣлось. 407

бы прочесть въ тогдашнемъ комитетѣ грамотности свой докладъ-отчетъ о нуждахъ школы и мѣрахъ ихъ удовлетворенія.

Но что-то ему помѣшало осуществить свой планъ. Помнится, онъ уже начиналъ прихварывать.

* * *

Милаго Бабкина
Яркая звѣздочка!
Юность по нотахъ
Аллего промчится—
Отъ свѣженькой вишенки
Останется косточка,
Отъ скучнаго пира—
Угаръ и горчица.

Это шуточное, намѣренно-нескладное стихотвореніе было поднесено Чеховымъ съ веселыми замѣчаниями и прибаутками его юной любимицѣ—Сашѣ Киселевой.

Саша Киселева—дочь помѣщицы, владѣлицы Бабкина, гдѣ такъ весело жить цѣлыхъ три лѣта молодой Чеховъ.

Сашѣ Киселевой въ это время было 12 лѣтъ. Антонъ Павловичъ всегда съ ней шутилъ, игралъ и забавлялся.

Въ шутку называлъ ее „Василисой Пантелевной“. А себя „Василіемъ Макаровичемъ“.

Ходилъ съ ней подъ руку и говорилъ:

— Мы женихъ и невѣста!..

— Ахъ, какъ вы меня ловите—и мама и вы, Василиса,— какъ же, вижу,— я вѣдь завидный женихъ!

Братъ Василисы Пантелевны былъ маленькимъ гимназистомъ.

Зимой онъ квартировалъ у Чеховыхъ въ Москвѣ. Тогда онъ былъ первоклассникъ.

Чеховъ далъ ему прозвище „финикъ“ и писалъ это имя черезъ маленькую букву „ф“.

Въ письмѣ своемъ изъ Москвы къ Маріи Владимировнѣ Киселевой, матери гимназиста, Антонъ Павловичъ пишетъ:

— Честнымъ словомъ увѣряю васъ, что „финикъ“ живъ.

И при этомъ подписывается:

— Вашъ по гробъ жисти Антонъ Чеховъ.

А ниже идетъ post-scriptum.

— Сегодня „финикъ“ за extemporale получилъ 5. Сказывается мое вліяніе.

Чеховъ въ другомъ письмѣ къ Марьѣ Владимировнѣ, не изданномъ еще, какъ и предшествующее упомянутое мною, до сихъ поръ, съ комической таинственностью рассказываетъ о „страшномъ“ происшествіи, случившемся въ квартирѣ Чеховыхъ и вызвавшемъ якобы большія опасенія въ домѣ.

Въ одинъ прекрасный день приходитъ къ „финику“ товарищъ — такой же, какъ и онъ, финикъ, десятиклѣтній мальчуганъ.

Явился, буркнулъ съ мрачнымъ видомъ о томъ, какіе заданы уроки на завтра, а потомъ, пожавъ другу руку, молвилъ сурово и таинственно:

— Прощай, Киселевъ!

И ушелъ.

— Повидимому, социалистъ, — заключаетъ Чеховъ.

И требуетъ, — конечно, все это шутя, — перемѣны условій платы за комнату съ мальчика.

— Не найдете ли возможнымъ за подобныя посѣщенія прибавить плату?

Прозвище „финикъ“ Чеховъ придумалъ для своего маленькаго друга-жильца подъ вліяніемъ юмористической поэмы, кажется, Козьмы Пруткова, гдѣ, между прочимъ, есть такіа строки:

Вдругъ среди насъ явился финикъ,
Гимназистъ и сирота!..

* * *

Антонъ Павловичъ, между прочимъ, часто и помногу бесѣдовалъ съ И. Д. Сытинымъ и давалъ ему совѣты, которымъ Сытинъ всегда, по его словамъ, старался слѣдовать, насколько могъ.

— Нужна большая народная газета, ты долженъ ее издать, — все убѣждалъ онъ прителя.

— Ахъ, Антонъ Павловичъ! А разрѣшать ли?

— Не разрѣшать тебѣ — разрѣшать другому. Ты ищи такого. Ищи вездѣ, ищи упорно; какъ только увидишь кого-нибудь, ты сейчасъ и подумай: а не разрѣшатъ ли ему? Берн его и сейчасъ же приступай къ дѣлу.

Разъ даже Антонъ Павловичъ, желая сдѣлать доброе дѣло, порекомендовалъ было г. Сытину въ редакторы „самого“ г. Ежова...

О г. Ежовѣ Чеховъ больше, чѣмъ кто-нибудь, хлопоталъ, много возился съ нимъ, примирялъ его съ А. С. Суворинымъ, — словомъ, такъ много сдѣлалъ ему добра, что г. Ежовъ, растроганный этими услугами, спрашивалъ:

— Чѣмъ мнѣ васъ за все это отблагодарить? Научите!

И. П. Ежовъ „отблагодарилъ“ — уже послѣ смерти Антона Павловича. Клеветой!.. Кстати о Ежовѣ. Въ отвѣтъ на его выходки по адресу „скупого“ Чехова, можемъ сообщить, что до послѣдняго времени, со дня его смерти, уплачивалось родными, согласно его волѣ, за учащихъ гимназистовъ и студентовъ, которыхъ онъ поддерживалъ еще при жизни.

* * *

Такое же безкорыстіе сквозило въ его отношеніяхъ къ „трудящимся“.

То и дѣло, бывало, приходятъ къ нему въ Мелихово, — когда онъ жилъ тамъ въ своемъ имѣніи, — съ просьбой дать работу, — кровельщики, маляры, столяры, плотники. Онъ всѣхъ ихъ старается удовлетворить.

Нѣтъ работы — выдумаетъ ее.

Лишь бы не отказать человѣку труда, ищущему заработка для себя и семьи.

Отказывать для него было „ножъ вострый“. — Какъ это можно отказывать? Стыдно, неловко, больно. И онъ начинаетъ придумывать, фантазировать:

— Что бы это такое заказать бѣднягѣ?

И надумаетъ, — и говоритъ благодушнѣйшимъ тономъ:

— А хорошо бы окрасить этотъ заборъ въ вишневый цвѣтъ...

Вотъ и найдена работа для маляровъ!

Въ то же время Чеховъ старательно скрываетъ всякое проявленіе добрыхъ чувствъ. Нарочно облачаетъ ихъ въ суровую форму.

— Надо посмотрѣть, что они тамъ надѣлали, — строгимъ голосомъ говоритъ онъ своимъ домашнимъ, сидя за письменнымъ столомъ и глядя въ окно на работающихъ.

Вотъ онъ идетъ дѣловой походкой по направленію къ рабочимъ и тихо, чтобы другіе не слышали, говоритъ имъ:

— Братцы, вѣдь вамъ холодно. Пойдите въ трактиръ и напейтесь тамъ чаю, а потомъ придите.

*
* * *

Когда Антонъ Павловичъ вернулся съ Сахалина, онъ имѣлъ видъ изможденный. Такъ утомило его это путешествіе.

Ни странствованія ни передвиженія не имѣли теперь для него никакой прелести. Ему хотѣлось только отдохнуть.

Своеобразное у него было понятіе объ отдыхѣ: это — непрерывная работа.

Но только на одномъ мѣстѣ, безъ лишнихъ движеній, безъ переменъ мѣста.

— Я хотѣлъ бы быть маленькимъ, сухонькимъ старичкомъ, — мечталъ онъ, — и сидѣть за большимъ-большимъ письменнымъ столомъ.

В. Ермиловъ.

